

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ФИЛОСОФОВ АНТИЧНОСТИ О «СМЕХЕ» И «СМЕШНОМ»

Л.О. Рокотянская

lo_rokotyanskaya@rambler.ru
SPIN-код: 7669-1712

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, Российская Федерация

Аннотация

Статья посвящена анализу теорий «смеха» и «смешного», сформулированных в эпоху античности. Значительная часть трактатов с говорящим названием «О смехе» и «О смешном» не дошла до наших времен. Утерянными значатся работы Горгия из Леонтин, Феофраста, Деметрия Фалерского, а также самого смеющегося философа всех времен — Демокрита из Абдер. Среди философов, чьи воззрения на смех сохранились в значительном для анализа объеме, можно выделить Платона, Аристотеля, Цицерона и Квинтилиана. В работах последних двух мыслителей содержатся также актуальные по сей день практические замечания об использовании смеха в ораторском деле. Отдельное внимание уделяется истории развития понятий «ирония» и «юмор», зародившихся в древнегреческую эпоху, но получивших свое современное значение лишь спустя тысячелетия.

Ключевые слова

Смех, смешное, ирония, юмор, комедия, античность, Платон, Аристотель, Цицерон, Квинтилиан

Поступила в редакцию 10.10.2018
© МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2018

Что нам известно о положении смеха и юмора в античном обществе? Древние боги смеются, смех сопровождает народные праздники Дионисии и Сатурналии, софисты и ораторы целенаправленно используют шутки в политических и судебных спорах, а от острых насмешек комедиографов не могут спрятаться даже самые влиятельные граждане общества. Выпускаются сборники анекдотов, а также философские трактаты с говорящим названием «О смешном» — до нас они дойдут лишь в состоянии небольших отрывков. В эпоху Античности появляются и хорошо знакомые нам «юмор» и «ирония» — однако свое современное значение они обретут лишь в XVIII – XIX вв. Все чаще «смешное» выступает причиной проблем этического свойства, что заставляет философов и общественных деятелей обратить внимание на это, на первый взгляд, незаметное и несерьезное явление.

Теоретические концепции, сформулированные в античную эпоху, дошли до нас лишь частично. Подробный обзор утерянных работ древнегреческого периода можно найти у Дмитриева и Сычева [1]. Софист Горгий из Леонтин (ок. 480–380 до н. э.) — первый в списке тех, кто трудился напрасно. Ни одна из ра-

бот Горгия не дошла до наших времен. А ведь, по мнению Аристотеля, он был первым мыслителем, всерьез заинтересовавшимся изучением смеха. По-видимому, его изыскания были посвящены практической стороне феномена — а именно использованию смеха в ораторском искусстве. Нам известно лишь одно, не лишенное при этом своей актуальности, изречение Горгия: «Следует серьезность противника отражать посредством шутки, а его шутку — посредством серьезности» [1].

Судя по всему, Горгий из Леонтин заложил основы изучения смеха с точки зрения его практического значения. Продолжателями данного направления позже станут римские мастера ораторского искусства — Цицерон и Квинтилиан.

Стоит также вспомнить и о знаменитом «смеющемся философе» — Демокрите из Абдер (ок. 460–370 до н. э.). Ни одна из его работ, посвященных изучению проблем смеха, не сохранилась. У Цицерона мы находим: «О первом вопросе — о том, что такое смех, как он возникает, где его место в нашем теле, от чего он возбуждается и так внезапно вырывается, что при всем желании мы не можем его сдерживать, каким образом он сразу захватывает легкие, рот, жилы, лицо и глаза, — обо всем этом пусть толкует Демокрит, а к нашей беседе это не относится» [2]. Исходя из данной цитаты, можно сделать вывод о том, что Демокрит серьезно интересовался физиологией смеха.

Значительный интерес представляет также легенда о том, как Гиппократ лечил Демокрита от сумасшествия. На странное поведение философа пожаловались жители Абдер: «Забыв обо всем и прежде всего о самом себе, он проводит всю жизнь, бодрствуя и ночью и днем, осмеивая все — и малое и великое — и считая это за ничто. Один женится, другой торгует, третий ораторствует в собрании, иной управляет, едет послом, выбирается на должность или отрешается от нее, болеет, получает рану, умирает — он же осмеивает все это, видя одних печальными и мрачными, других — веселыми» [3]. Демокрит, по наблюдению своих современников, высмеивает все без разбору — и добро, и зло. Среди тем, смех над которыми древним грекам кажется проявлением явного сумасшествия, названы следующие: «смерть», «болезнь», «сумасшествие», «меланхолия», «смертоубийство», «браки», «народные праздники», «мистерии», «рождение детей», «власть», «почести», «приказание». Это особенно любопытно с точки зрения культурно-исторической динамики юмора и постепенного изменения отношения к отдельным его разновидностям — в частности, к шуткам «черной» тематики.

Несмотря на все жалобы, прибыв в Абдеры, Гиппократ обнаруживает не безумца, а непонятого мыслителя. Демокрит отвечает Гиппократу: «Ты думаешь, что есть две причины моего смеха — добро и зло; я же смеюсь только над человеком, переполненным глупостью, свободным от правых дел, ребяческим во всех своих намерениях и бесполезно страдающим от огромных трудов, идущим по воле ненасытных желаний вплоть до границ земли, проникающим в ее неведомые недра, ищущим серебро и золото и никогда не прекращающим их приобретать и постоянно беспокоящимся о большем из боязни остаться с

меньшим; и он не стыдится выдавать себя за счастливого, потому что роет глубины земли руками закованных, из которых одни погибают под обвалами рыхлой земли, а другие, подчиняясь годами этой крайности, живут в наказании, будто в отечестве, ищут серебро и золото, исследуют следы пыли и обломки, собирают разный песок отовсюду, вскрывают жилы земли, взламывают постоянно глыбы для обогащения, делают из земли, нашей матери, которая всегда одна и та же, землю враждебную и восхищаются ею, и попирают ее. Какой смех!» [3]. Смех Демокрита содержит не только сатирические нотки, но и меланхоличное разочарование относительно людей, среди которых он вынужден жить, — это смех над бессмысленной суетой повседневности, движимой человеческими пороками и глупостью.

Информация о данном эпизоде из жизни двух знаменитых исторических персон основана на «переписке Гиппократата», которая современными исследователями признана подложной. Несмотря на то что письма имеют древнее происхождение, они скорее всего были составлены в качестве упражнения учениками риторских школ. Нам же остается только предполагать, что юные ораторы основывались на биографических фактах и неизвестных нам трудах.

К слову сказать, по какой-то исторической иронии с именем Гиппократата связано и происхождение термина «юмор», который, пережив тысячелетия, совершенно причудливым образом трансформировался в привычное нам значение. Причину всех болезней Гиппократат видел в дисбалансе основных «гуморов», т. е. жидкостей организма: желтая желчь, черная желчь, кровь, слизь. Гуморальная теория Гиппократата долгое время считалась ведущей в медицинских изысканиях, что повлияло на распространение соответствующих латинских терминов *humoret* и *humor*. Преобладание того или иного гумора влияло также, по мнению Гиппократата, на формирование определенных черт личности, темперамента. Позже, вследствие подобной связи, в английском языке *humor* начинает ассоциироваться с устойчивым настроением или характером: *good-humored*, *bad humor*. Начиная с XVI в. слово *humor* обрастает дополнительными значениями забавности и смеха. Вследствие общего процесса изменения отношения к смеху и юмору, *humor* приобретает все более и более позитивное значение — поначалу он используется для описания чудаков и людей со странностями, но позже начинает ассоциироваться с аристократической эксцентричностью и особым талантом смешить людей. А к XIX в. слова «юмор» и «юморист» обретают привычные нам значения [4].

Работы Феофраста (ок. 370–288 до н. э.) «О смешном» и «О лицедействе» не дошли на наших времен. Не сможем мы ознакомиться и с трудами Деметрия Фалерского (350–283 до н. э.) «О смехе» [1]. О каких-то работах, посвященных смеху, упоминает Цицерон: «Однажды мне случилось познакомиться с некоторыми греческими книгами под заглавием “О смешном”. Я понадеялся чему-нибудь по ним научиться. И я нашел там немало забавных и шуточных греческих словечек (ведь и сицилийцы, и родосцы, и византийцы, и особенно афиняне в этом отношении превосходны); однако те, кто пытался подвести под это

остроумие какие-то научные основы, сами оказались настолько неостроумны, что впору было смеяться над их тупостью» [2].

Сохранились лишь обрывочные замечания Деметрия Фалерского о том, что смех должен удовлетворять некой категории $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$ («красота», «изящество», «прелесть»). Смех, не удовлетворяющий данному условию, философ считает недостойным, вульгарным [1]. Это, пожалуй, первая, но далеко не последняя попытка подразделить «смех» (а позже «юмор» и «комическое») на плохой и хороший, достойный и недостойный, правильный и неправильный, истинный и не очень. Подобные разделения явлений на «правильные» и «неправильные» лучше всего отражают эстетические и этические воззрения конкретной исторической эпохи. Так, среди современных аналогов подобного разделения на «хорошо» и «плохо» можно выделить психоаналитическую классификацию стилей юмора на «здоровые» и «нездоровые» [5].

Платон (427–347 до н. э.). Полноценной концепции «смеха» или «смешного» Платон не создал. Однако в ряде его работ («Законы», «Филеб», «Государство») мы можем выделить отдельные идеи, касающиеся интересующего нас явления. Отношение философа к смеху довольно негативное и строгое. С одной стороны, как человек, «который хочет быть разумным», Платон признает, что «без смешного нельзя познать серьезного». С другой, — тут же добавляет, что тому, «кто хочет быть немного причастным к добродетели», не следует использовать и то, и другое. «Смешное» интересует Платона лишь потому, что он хочет предостеречь своих учеников: «Но именно потому-то и надо ознакомиться со всем этим, чтобы по неведению не сделать и не сказать когда-то совершенно некстати чего-то смешного. Подобные подражания надо предоставить рабам и чужеземным наемникам. Никогда и ни в коем случае не следует заниматься этим серьезно; свободные люди — мужчины ли или женщины — не должны обнаруживать подобных познаний. То, что здесь воспроизводится, постоянно должно казаться новым. Следовательно, вот этот закон и в таком выражении мы и установим относительно смешных забав, называемых всеми нами комедией» [6, с. 1158]. Более того, «нельзя допускать, чтобы изображали, как смех одолевает достойных людей и уж всего менее богов». А еще нельзя быть «чрезмерно смешливыми», потому что «почти всегда приступ сильного смеха сменяется потом совсем иным настроением» [6, с. 794].

Платон высказывает также идеи о необходимости введения цензуры в части высмеивания конкретных людей. Если высмеивание совершается исключительно как забава и не содержит в себе гнева, то в нем нет ничего плохого. Если же высмеивание совершается «всерьез и с гневом», то его следует запретить. Следить за тем, какое высмеивание уместно, а какое нет, должен специальный человек. Но это еще не все. Данное положение не распространяется на тех, кто стоит ниже по социальному статусу: «Комическому, ямбическому или мелическому поэту вовсе не разрешается ни на словах, ни с помощью жестов, все равно, делается ли это с гневом или без гнева, высмеивать кого-либо из граждан» [6, с. 1238].

Рассуждения о природе смеха Платон вкладывает в уста Сократа. В диалоге «Филеб» Сократ утверждает, что смех вызывают ситуации, в которых человек «держится о себе ложного мнения» — воображает себя более сильным, красивым, мудрым или добродетельным, чем он есть на самом деле. В этой мнимой силе, за которой на самом деле стоит «слабость», и кроется природа всего смешного. Отдельное внимание уделяется «безвредности» смеха: «мы называем смешным все слабое и ненавистным все сильное <...> свойство, когда оно безвредно, вызывает смех» [6, с. 347]. При этом смех зачастую обнаруживает свою двуликость за счет порождаемого им смешения чувств. Например, когда мы смеемся над «слабостью» наших друзей, мы «сочетаем удовольствие с завистью, мы смешивает наслаждение со страданием». Смех — «наслаждение», а зависть — «страдание души» [6, с. 347].

Конечно, отношение современной культуры совершенно иное [7]. И мы могли бы поспорить с Платоном о том, что шутки над друзьями непременно содержат в себе зависть. Тем не менее заслуга Платона в том, что он обратил внимание на интересный феномен — смешение чувств, которое довольно часто сопровождает отдельные виды юмора. В качестве примера можно привести черный юмор — одновременно с радостью, он может вызывать целую гамму чувств (отвращение/смущение/печаль), которые Платон наверняка отнес бы к «страданиям души».

Таким образом, Платон: 1) находит антитезу смешному — серьезное; 2) высказывает идею о «безвредности» смеха — идею, которая в том или ином виде до сих пор является ключевой в большинстве современных теоретических и эмпирических работ; 3) предъявляет этические требования к смеху; 4) высказывает идею о том, что смех порождает «смешение наслаждения со страданием».

Аристотель (384–322 до н. э.). Первая концепция «смешного», хоть и дошедшая до нас лишь частично, принадлежит Аристотелю. В своей работе «Поэтика» Аристотель рассматривает два вида «поэтического искусства» — комедию и трагедию. При этом Аристотель отмечает, что история трагедии хорошо известна, в то время как «история комедии нам неизвестна, потому что сначала на нее не обращали внимания». Действительно, это один из наиболее поразительных парадоксов смеха и юмора — несмотря на то что буквально каждый наш день содержит смех и шутки, мы не придаем самому феномену никакого серьезного значения. Это, как видим, отразилось и на истории изучения смеха.

Природа любого искусства заключена в подражании, которое свойственно каждому человеку с самых ранних лет. Однако трагедия — есть подражание лучшим людям, а комедия — худшим. Аристотеля можно назвать создателем первого известного нам определения «смешного»:

«Комедия, как мы сказали, есть воспроизведение худших людей, однако не в смысле полной порочности, но поскольку смешное есть часть безобразного: смешное — это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное, так, чтобы не далеко ходить за примером, комическая маска есть нечто безобразное и искаженное, но без выражения страдания» [8, с. 153].

В том, что касается безобидности смеха, Аристотель повторяет выводы Платона — смешное хоть и отражает «ошибку» или «безобразие», никому не должно причинять реальных страданий: «без выражения страдания», «никому не причиняющее страдания», «ни для кого не пагубное». Судя по всему, Аристотель имеет в виду как этическую сторону дела, так и, вероятно, подмеченную многими современными исследователями виртуальность и безопасность юмора (намного смешнее та история, которая произошла не с нами и не на самом деле) [9, 10].

В отношении того что смех у Аристотеля ассоциируется с воспроизведением «безобразного», «худших людей», «ошибки», можно лишь предполагать, что именно имел в виду философ. Видел ли он в комедии стремление к осмеянию пороков и глупости «худших людей»? Или же подбор подобных фраз был продиктован тем же негативным отношением к смешному, которое мы находим у Платона? Каждый исследователь трактует определение Аристотеля по-своему. Подобные разночтения связаны с тем, что вторая часть «Поэтики», которую Аристотель посвятил детальному разбору комедии, была утеряна.

Частично реконструировать содержание второй части «Поэтики» можно с помощью Коаленовского трактата — анонимной рукописи, текст которой датируется примерно I веком н. э. Неизвестный автор данного трактата формулирует теорию комедии, которая во многом схожа с теорией Аристотеля. Возможно, Коаленовский трактат является конспектом недостающей части «Поэтики». Приведем определение комедии из данного трактата:

«Комедия есть подражание действию смешному и неудачному определенно-го размера, в каждой из своих частей в образах разыгрываемое, а не рассказываемое, через удовольствие и смех осуществляющее очищение подобных аффектов. Она имеет своей матерью смех» [11].

Как видим, в определении Коаленовского трактата добавляется существенная деталь — катарсис — через смех происходит «очищение аффектов». «Согласно трактату, «смех возникает или от словесного выражения, или по поводу вещей». Вывод, который позже повторит Цицерон. Отдельное внимание уделяется мере, или симметрии — в трагедиях должна иметь место «симметрия страха», в комедиях — «симметрия смеха». Язык комедии должен быть простым, «народным».

О необходимости меры в смехе Аристотель заявляется и в «Никомаховой этике»:

«...те, кто в смешном преступают меру, считаются шутами и грубыми людьми, ибо они добиваются смешного любой ценой и, скорее, стараются вызвать смех, чем сказать нечто изящное, не заставив страдать того, над кем насмеваются. А кто, не сказавши сам ничего смешного, отвергает тех, кто такое говорит, считается неотесанным и скучным. Те же, кто развлекается пристойно, прозываются остроумными...» [12, с. 141].

Пропаже второй части «Поэтики» посвящен также роман «Имя Розы», автор которого, У. Эко, осуществил попытку художественной реконструкции смысла утерянной книги:

«Так постепенно в моем сознании стала вырисовываться вторая книга Аристотеля. Вернее, то, чем она должна быть. Я могу пересказать тебе ее почти целиком, даже не читая, не дотрагиваясь до ее смертоносных листов. Комедия рождается в *κομαι*, т. е. в крестьянских селениях. Она рождается как потешный праздник, как завершение трапезы или торжества. Она рассказывает не о лучших и знаменитых людях, а о худших, низких, но не опасных, и не должна кончаться смертью персонажей. Она вызывает смех, показывая обыкновенных людей, их недостатки и пороки. Аристотель рассматривает склонность к смеху как добрую, чистую силу. Смех у него имеет и познавательную ценность. Смех обучает людей: иногда — посредством остроумных загадок и неожиданных метафор, иногда — показывая вещи даже неправильно, не такими, каковы они есть, а вводя нас в обман и этим понуждая внимательнее рассмотреть предмет. Рассмотрев, мы говорим: вот как, оказывается, обстоит дело, а я и не знал! Так истина добывается через показывание людей и мира худшими, нежели они есть или мы о них думаем, и во всяком случае гораздо худшими, нежели они выводятся в героических поэмах, трагедиях, житиях святых» [13, с. 619].

В «Риторике» Аристотель, обсуждая использование шуток в споре, ссылается на «Поэтику», что позволяет нам сделать дополнительные выводы о ее содержании:

«В “Поэтике” было уже сказано, сколько есть видов шутки, из которых одни подобают свободному человеку, а другие — нет, чтобы каждый выбирал то, что ему подобает. Ирония же подобает свободному более, чем шутчество, потому что иронизирующий обращается к шутке ради самого себя, а шут — ради других» [8, с. 147].

В работах Аристотеля мы впервые сталкиваемся с использованием термина «ирония» в значении, близком к современному. Ирония здесь уже представляет собой разновидность шутки. Хотя до Аристотеля слова *eironeia*, *ieron* (а также другие близкие к ним однокоренные слова) употребляются в значении хитрости, обмана, лести. У Платона, правда, мы встречаем выражение «ирония Сократа», которое характеризует особую манеру философа прикидываться в споре «простачком» — за счет намеренного самоуничтожения подтрунивать в итоге над своими оппонентами. В «Никомаховой этике» Аристотель, с одной стороны, рассматривает иронию в качестве одной из крайностей, наравне с хвастовством: «делать вид, что имеешь больше того, что имеешь, — это хвастовство, а меньше — это притворство (*eironeia*); середина между ними и есть правдивость». С другой стороны, появляется и положительная характеристика для некоторых ироников (*ieron*), или притвор: «Притворы, которые говорят о себе приниженно и на словах отклоняются в сторону преуменьшения, представляются людьми, скорее, обходительного нрава (*khariesteroi*); кажется, что они говорят так не ради наживы, но избегая важничанья, и прежде всего ни отказывают себе в славном, как делал, например, Сократ» [12, с. 141].

Более подробно об истории трансформации термина «ирония» можно прочитать в работе А.Ф. Лосева и В. П. Шестова «История эстетических категорий» [14]. Судя по всему, ирония, едва зародившаяся в античную эпоху, воспринималась до-

вольно неоднозначно. Впоследствии она была и вовсе вытеснена серьезным тоном средневековой религиозности. Возвращение иронии состоится лишь в XVIII в. в творчестве и эстетических изысканиях романтиков.

Выводы Аристотеля легли в основу эстетической традиции изучения «комического». Стоит также отметить, что Аристотель обращается не ко всему многообразию смешного, а лишь к наиболее цивилизованному его образцу — комедии. Традиция изучения комического через анализ образцов искусства с одновременным выведением остальных видов комического за скобки по эстетическим соображениям присутствует до сих пор. Более того, концепция Аристотеля задает тренд на объективистский подход в изучении смеха, юмора, комического — сам термин «смешное» свидетельствует о поиске причин смеха в объекте.

В трактате «О частях животных» Аристотель замечает: «А что щекотлив один только человек, причиной этому служит, с одной стороны, тонкость его кожи, а с другой — то обстоятельство, что из всех животных он один только способен смеяться». Согласно Аристотелю, способность смеяться — это уникальное свойство человека, отличающее его от остальных животных. Данное представление не только приживется, но и будет очень популярным вплоть до второй половины XX в. Сегодня известно о том, что смеяться от щекотки и игрового взаимодействия способны не только высшие приматы, но, вероятно, и крысы [15].

Марк Туллий Цицерон (106–43 до н. э.) и Марк Фабий Квинтилиан (35–100 г. н. э.). Ни Цицерон, ни Квинтилиан не стремились постичь природу смеха и вывести полноценную его теорию. Интерес римских мыслителей носил сугубо прагматичный и даже, выражаясь языком современности, узкоспециализированный характер. Работы указанных мыслителей были посвящены тому, каким образом профессиональному оратору следует использовать смех в своей профессиональной деятельности. Цицерон и Квинтилиан приводят множество примеров шуток, удачных для оратора и не очень. Акцент делается на остроумии и уместности смеха. И, конечно же, они полностью исключают из рассмотрения юмор простонародный и грубый, а также физиологию смеха. И это вполне понятно. Ведь если бы мы сегодня писали книгу о том, как юристу или политику использовать юмор в своих выступлениях, мы тоже опустили бы множество второстепенных вопросов, а также неуместные в формальном взаимодействии виды юмора.

Цицерон освещает вопросы использования смеха в своем трактате «Об ораторе». Первым делом он заявляет, что «остроумию нельзя научиться». Ведь остроумный ответ срabатывает раньше, чем о нем успевает подумать его автор. Остроумные люди редко могут удержаться от произнесения остроты, вследствие чего часто находятся не в ладу с обстоятельствами и другими людьми [2].

Далее Цицерон формулирует пять вопросов своего исследования: 1) «Что такое смех?» 2) Откуда он возникает?» 3) «Желательно ли для оратора вызывать смех?» 4) «В какой степени?» 5) «Какие существуют роды смешного?» [2, с. 235].

Первый вопрос, относящийся к физиологии смеха, не интересен Цицерону, и он тут же отдает его Демокриту — «обо всем этом пусть толкует Демокрит» [2, с. 235].

На второй вопрос он отвечает определением смешного: «<...> источник и, так сказать, область смешного, — это, пожалуй, все непристойное и безобразное; ибо смех исключительно или почти исключительно вызывается тем, что обозначает или указывает что-нибудь непристойное без непристойности» [2, с. 235]. Данное определение частично повторяет выводы Аристотеля.

Оратору непременно нужно использовать смех, если у него имеется к этому талант. Однако Цицерон говорит не о всяком смехе, а, скорее, об остроумном парировании, которое, позволяя оратору, с одной стороны, предстать перед публикой человеком «тонким», «изящным» и «образованным», с другой же — подавить и унизить противника. При этом следует избегать любой непристойности, шутовства, кривляния и даже плоских шуток. Вряд ли можно сделать какие-то либо выводы об отношении Цицерона к данным формам смешного. Ведь и по сей день перечисленные римским мыслителем формы смешного неуместны в суде и на политической арене. Более того, в данных сферах жизни мы, судя по всему, стали даже более серьезными, чем наши древнеримские предшественники.

Основное преимущество использования «остроумия» Цицерон видит в том, что оно «разгоняет печаль, смягчает суровость» [2]. Цицерон, однако же, предостерегает своих учеников от чрезмерного использования смешных ходов, чтобы не уподобляться шутам и людям несерьезным. Сдержанность, уместность, уважение к другим людям — вот основные правила использования остроумия в суде или на политическом поприще. Здесь Цицерон так же повторяет мысли Платона и Аристотеля — «в шутке первым делом надо соблюдать меру». Правда, сам Цицерон, по-видимому, этим принципом пренебрегал. Вот что Квинтилиан пишет о своем известном предшественнике: «О Цицероне же говорят, что он не только вне судилищ, но и в самых торжественных речах, смешить старался сверх меры» [16].

Цицерон отвечает также на вопрос этического свойства: над какими шутками смеяться можно, а над какими — не стоит? Не следует смеяться над «слишком несчастными», «слишком уважаемыми», а также над теми, кто заслуживает казни. Последние заслуживают большего уязвления, чем может дать простое осмеяние.

Цицерон повторяет выводы Коаленовского трактата и выделяет два вида комизма — основанного «на слове» и «на предмете». Однако он несколько расширяет данный вывод, предлагая первую, известную нам, типологию смешного [2, с. 248–290]:

1) комизм шута — ужимки, гримасничанье, оперирование голосом и телом. Это базовый вид смешного, который не следует использовать оратору;

2) передразнивание. Цицерон замечает, что данный вид комизма «ну очень потешен» — то есть в целом отношения мыслителя к нему позитивное и, тем не менее, он не рекомендует своим ученикам его использовать, так как передразнивание может выглядеть «неблагородно»;

- 3) гримасничанье — также не подходит оратору;
- 4) непристойность — по мнению Цицерона, непристойным шуткам не место не только в суде, но и в порядочном обществе;
- 5) остроты, основанные «на предмете» или «на слове».

Цицерон также проливает свет на утерянные греческие источники и отмечает, что «греки насчитывают еще несколько разделов смешного — проклятия, изумления, угрозы».

Цицерон снабжает свои рассуждения большим количеством примеров спонтанного юмора — при этом выглядят данные «остроты» вполне современно:

«Когда бывший консул Квинт Опимий, пользовавшийся в ранней молодости дурною славой, сказал весельчаку Эгилию, женственному только на вид: «Ах, ты, моя Эгилия, когда ты придешь ко мне со своей прялицей и куделью?» — тот откликнулся: «Ах, я, право, не смею, ведь мама запретила мне ходить к распутникам!» [2].

«Остроумны и такие высказывания, в которых шутка скрыта и только подразумевается. Так сострил один сицилиец, которому приятель пожаловался, что его жена повесилась на смоковнице: «Умоляю, одолжи мне черенков от этого дерева!» [2].

«Или вот как он же сказал кому-то: “Надо бы погулять” — и на вопрос того “Причем тут «бы»?” — ответил: «Да нет — причем тут ты?» [2].

Квинтилиан основывается на исследовании Цицерона и во многом повторяет его выводы. Он также отмечает значимость развлекательной функции смеха — использование остроумного и уместного юмора позволяет развлечь судью, избавить его от напряжения и тяжелых дум, снимает скуку и утомление. Тем не менее Квинтилиан предупреждает, что «есть судьи, столько степенные и столько важные, что неохотно принимают шуточные выражения» [16]. Невероятно актуальное по сей день замечание! Более того, шутка, направленная против противника, может в той же степени относиться и к судьбе.

Хотя Квинтилиан считает, что смех несет в себе что-то «маловажное» и он больше подходит шутам, а не приличным людям, но все-таки ему невозможно противостоять — «часто вырывается он против воли нашей, без всякого постороннего пособия» [16].

Оратору не стоит использовать непристойный и грубый юмор, свойственный «самой низкой черни» [16]. Подобный вывод говорит об известной с древнейших времен традиции относить одни виды юмора к низшим слоям населения, другие, наоборот, — к высшим.

Таковы основные теоретические воззрения о смехе и смешном, которые были предложены древнегреческими и древнеримскими мыслителями. Позиция смеха в эпоху античности были сильны как никогда — к данному историческому этапу относится рождение таких явлений, как комедия, пародия, анекдот и, вероятно, одна из наиболее сложных форм «смешного» — ирония. Особое положение смеха в античном обществе способствует также и интересу целой плеяды философов к изучению этого, на первых взгляд, незаметного и несерьезного явления.

Теоретические представления о смехе античных философов представляют невеликую ценность еще и потому, что мыслители последующей эпохи за целую тысячу лет не проявили практически никакого интереса к изучению данного явления. Отношение философов и богословов Средневековья к смеху будет в общем и целом негативным, что так и не позволит смеху пересечь границ серьезных видов деятельности. Лишь традиции античных сатурналий переродятся в культуру средневековых карнавалов и праздничных гуляний, смех и веселье которых будут носить скорее неофициально-народный характер.

Литература

- [1] Дмитриев А.В., Сычев А.А. *Смех: социофилософский анализ*. Москва, Альфа, 2005, 592 с.
- [2] Цицерон М.Т. *Три трактата об ораторском искусстве*. Москва, Наука, 1972, 472 с.
- [3] Гиппократ. *Сочинения*. Т. 3. Москва, Медгиз, 1941, 364 с.
- [4] Мартин Р. *Психология юмора*. Санкт-Петербург, Питер, 2009, 480 с.
- [5] Губанов Н.И., Губанов Н.Н., Волков А.Э. О природной, социальной и личностной обусловленности криминального поведения. *Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России*, 2014, № 3, с. 143–152.
- [6] Платон. *Полное собрание сочинений в одном томе*. Москва, Альфа-книга, 2016, 1311 с.
- [7] Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Менталитет и вызовы истории. *Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования*, 2010, № 4(12), с. 213–218.
- [8] Аристотель. *Риторика. Поэтика*. Москва, Лабиринт, 2000, 221 с.
- [9] Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Объективно-нереальные ситуации: возможности создания и перспективы использования. *Философия и общество*, 2015, № 1(76), с. 48–64.
- [10] Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Перспективы использования объективно-нереальных ситуаций. *Вестник ИГПИ им. П.П. Ершова*, 2013, № 3(9), с. 18–23.
- [11] Лосев А.Ф. *Аристотель и поздняя классика. История античной эстетики*. Ленинград, Искусство, 1975, 672 с.
- [12] Аристотель. *Сочинения*. Т. 4. Москва, Мысль, 1983, 830 с.
- [13] Эко У. *Имя Розы*. Москва, Астрель, 2013, 672 с.
- [14] Лосев А.Ф., Шестаков В.П. *История эстетических категорий*. Москва, Искусство, 1965, 376 с.
- [15] Козинцев А.Г., ред. Об истоках антиповедения, смеха и юмора (Этюд о щекотке). *Смех: истоки и функции*. Санкт-Петербург, Наука, 2002, с. 5–43.
- [16] Квинтилиан М.Ф. *Двенадцать книг риторических наставлений*. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1834, 486 с.

Рокотянская Людмила Олеговна — аспирантка кафедры «Философия», МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, Российская Федерация.

Научный руководитель — Губанов Николай Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия», МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, Российская Федерация.

ANCIENT GREEK PHILOSOPHERS' UNDERSTANDING OF «LAUGHTER» AND «LAUGHABLE»

L.O. Rokotyanskaya

lo_rokotyanskaya@rambler.ru
SPIN-code: 7669-1712

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The paper is devoted to analysis of the theories of “laughter” and “laughable”, formulated in era of antiquity. A significant part of essays with self-explanatory titles “About laughter” and “About laughable” did not reach our times. Works of Gorgius from Leontin, Theophrastus, Demetrius of Falermum, as well as of the most laughing philosopher of all time, Democritus from Abder, are considered as lost. Among philosophers, whose views on laughter have been preserved in a considerable for analysis volume, are Plato, Aristotle, Cicero, and Quintilian. Works of the last two thinkers contain also actual nowadays practical notes on the use of laughter in oratory. Special attention is paid to the history of development of concepts of “irony” and “humor”, which originated in the ancient Greek era, but received their modern meaning only after millennia.

Keywords

Laughter, laughable, irony, humour, comedy, ancient world, Plato, Aristotle, Cicero, Quintilian

Received 10.10.2018

© Bauman Moscow State Technical University, 2018

References

- [1] Dmitriev A.V., Sychev A.A. Smekh: sotsiofilosofskiy analiz [Laugh: socio-philosophical analysis]. Moscow, Al'fa publ., 2005, 592 p.
- [2] Tsitseron M.T. Tri traktata ob oratorskom iskusstve [Three essays on oratorical skill]. Moscow, Nauka publ., 1972, 472 p.
- [3] Hippocrates. Sochineniya. T. 3 [Writings. Vol.3]. Moscow, Medgiz publ., 1941, 364 p.
- [4] Martin R.A. The psychology of humor: an integrative approach. Elsevier Science, 2007, 446 p. (Russ. ed.: Psikhologiya yumora. Sankt-Peterburg, Piter publ., 2009, 480 p.)
- [5] Gubanov N.I., Gubanov N.N., Volkov A.E. On nature, social and personal conditionalism of criminal behavior. *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii*, 2014, no. 3, pp. 143–152.
- [6] Platon. Polnoe sobranie sochineniy v odnom tome [Complete set of works in one volume]. Moscow, Al'fa-kniga publ., 2016, 1311 p.
- [7] Gubanov N.I., Gubanov N.N. Mindset and history challenges. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Orel State University. Series: New Humanitarian Research], 2010, no. 4(12), pp. 213–218.
- [8] Aristotle. Ritorika. Poetika [Rhetoric. Poetics]. Moscow, Labirint publ., 2000, 221 p.
- [9] Gubanov N.I., Gubanov N.N. Objectively unreal situations: the opportunities to create and prospects of usage. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society], 2015, no. 1(76), pp. 48–64.
- [10] Gubanov N.I., Gubanov N.N. The perspectives of using objectively unreal situations. *Vestnik IGPI im. P.P. Ershova*, 2013, no. 3(9), pp. 18–23.

- [11] Losev A.F. Aristotel' i pozdnyaya klassika. Istoriya antichnoy estetiki [Aristotle and late classics. History of antique aesthetics]. Leningrad, Iskusstvo publ., 1975, 672 p.
- [12] Aristotle. Sochineniya. T. 4 [Writings. Vol. 4]. Moscow, Mysl' publ., 1983, 830 p.
- [13] Eco U. Il nome della Rosa. (Russ. ed.: Moscow, Astrel' publ., 2013, 672 p.)
- [14] Losev A.F., Shestakov V.P. Istoriya esteticheskikh kategoriy [History of strategic categories]. Moscow, Iskusstvo publ., 1965, 376 p.
- [15] Kozintsev A.G., ed. Ob istokakh antipovedeniya, smekha i yumora (Etyud o shchekotke). Smekh: istoki i funktsii [On origins of antibehavior, laugh and humor (Sketch about a human being). In: Laugh: origins and functions]. Sankt-Peterburg, Nauka publ., 2002, pp. 5–43.
- [16] Quintilianus M.F. Dvenadtsat' knig ritoricheskikh nastavleniy. Ch. 1 [Institutes of Oratory]. Sankt-Peterburg, 1834, 486 p.

Rokotyanskaya L.O. — PhD's Degree student, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation.

Scientific advisor — N.N. Gubanov, Doctor Sc. (Phil.), Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation.